

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

Доктор философских наук
профессор

Б. А. ЧАГИН

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ**

В. Г. БЕЛИНСКОГО

(К 100-летию со дня смерти)

СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ,
прочитанной в 1948 году в ленинградском Доме ученых

ЛЕНИНГРАД—1948

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Доктор философских наук
профессор

Б. А. ЧАГИН

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
В. Г. БЕЛИНСКОГО

(К 100-летию со дня смерти)

СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ,
прочитанной в 1948 году в ленинградском Доме ученых

ЛЕНИНГРАД — 1948

I

История вызвала к жизни в России, в стране отсталой в экономическом и политическом отношении, необычайный расцвет материалистической философии. Домарковский материализм Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова достиг вершины своего развития, стал ярким событием во всемирной истории.

Причины небывалого расцвета философской мысли в России следует искать в величайшем общественном движении народных масс и революционной интеллигенции против деспотизма самодержавия. Оно являлось живым источником прогрессивной мысли в России во второй половине XIX века.

Попытки объяснить прогрессивное развитие теоретической мысли в России влиянием западно-европейской философии и литературы являются несостоятельными. Они исходят из идеалистических взглядов на ход развития русской общественной мысли. Действительной базой развития русского материализма было движение народных, крестьянских масс, нашедшее свое отражение в учениях и в идеях революционной интеллигенции. В это время наша литература сформировала и выдвинула крупнейших мыслителей.

Революционные демократы — Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов — отразили в своих взглядах думы и чаяния миллионов задавленных гнетом крепостничества крестьян, находясь в самом центре революционного движения широких народных масс против векового деспотизма. Ход развития общественной мысли и, в частности, развития фило-

софии материализма определялся ходом общественно-политической жизни в стране. «Колокол» Герцена, «Телескоп» Надеждина и Белинского, «Современник» Чернышевского и Добролюбова приобщали народные массы к демократической жизни, звали их к борьбе против царизма.

Именно отсюда проистекали прогрессивные идеи великих русских революционных демократов и формировались их философские воззрения. Однако еще есть попытки объяснить формирование, складывание и развитие философских взглядов Белинского и других русских материалистов влиянием философии Шеллинга, Гегеля, Фейербаха и других. Подобное объяснение находится в полном разладе с действительностью. На самом деле, это влияние должно быть объяснено характером общественно-политических отношений в России. Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов жадно искали правильной теории для выхода из тупика, в который завело страну царское самодержавие.

Русская революционная интеллигенция воспринимала лишь то прогрессивное из умственной жизни Европы, что находилось в соответствии с потребностями русского общественно-политического движения. Усвоение прогрессивных идей западно-европейской науки и философии являлось не простым заимствованием, а глубокой переработкой их на основе самостоятельного развития русской общественной мысли. Чернышевский по этому поводу писал: «... Единство понятий и людей у нас только укреплялось, а не рождено было внешними влияниями. Деятели, стоявшие тогда во главе нашего умственного движения, конечно, ободрялись тем, что согласие с ними всех современных мыслителей Европы подтверждало справедливость их понятий; но эти люди уже не зависели ни от каких посторонних авторитетов в своих понятиях... Тут в первый раз умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые шли на ряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников, как бывало прежде».*

Непонимание того, что самостоятельный и оригинальный характер русской материалистической философии вытекал из общественно-политического движения в стране, приводило

* Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения, 1938 г., стр. 471.

некоторых исследователей Белинского и Чернышевского к переоценке роли и значения западно-европейской философии в развитии их взглядов. Лебедев-Полянский в своей книге «В. Г. Белинский», исходя из ошибочной схемы Плеханова философской эволюции великого русского материалиста, превращает последнего в простого последователя немецкой философии. Этим самым русской философской мысли отказывается в самостоятельности и оригинальности содержания.

Подобную же ошибку совершает Горячева в своей статье «Был ли Белинский социалистом-утопистом?» *

Одной из характерных особенностей развития русской материалистической философии в XIX веке являлась та особая и своеобразная роль, которую играла при этом русская литературная критика.

В XIX веке в России почти невозможно было открытое распространение прогрессивных философских и политических учений. Передовое мирозерцание пропагандировалось передовыми русскими мыслителями в теснейшей связи с литературной критикой. Литературная критика стала важнейшей формой развития русской философской и общественно-политической мысли. Литература в нашей стране была тогда подлинным зеркалом русского общества, а литературная критика сливалась с политикой и философией.

«У нас общественная жизнь, — писал Белинский, — преимущественно выражается в литературе... У нашего общества литература стоит на первом плане, и что у нас с важностью рассуждают и с горячностью спорят о том, о чем заграницей говорят хладнокровно, как об интересе важном, но уже второстепенном и отнюдь не исключительном».**

Передовая философия являлась душой русской литературной критики. Она обусловила собой ее высокую идейность и вместе с тем связь с передовой политикой своего времени. Философия со времени Белинского, по выражению Чернышевского, господствовала над всей умственной деятельностью русского общества.

* „Ученые записки Ленинградского государственного университета“, № 1, 1947 г.

** В. Г. Белинский. Соч., изд. 1874 г., М., стр. 8.

«Философские стремления, — писал Чернышевский в 50-х годах, — теперь почти забыты нашей литературой и критикой. Мы не хотим решать, насколько литература и критика выиграли от этой забывчивости, — кажется, не выиграли ровно ничего, потеряв очень много; но как бы не решил кто вопрос о значении философского мирозерцания для настоящего времени, каждый согласится, что господство философии над всей умственной нашей деятельностью в начале настоящего периода нашей литературы есть замечательный исторический факт, заслуживающий внимательного изучения».*

Литературная критика, говорил Белинский, заключается в рассмотрении произведений не как самодовлеющего явления, но в его отношении к эпохе, к исторической современности, и в отношениях художника к обществу. В этом состоит великое назначение критики. Статья Белинского «Речь о критике», в которой он развил свой реалистический взгляд на критику, представляет собой яркое явление во всей русской литературе.

В. Г. Белинский выступает не только великим русским общественно-политическим деятелем и литературным критиком, но и крупнейшим философом-материалистом в 40-х годах. На протяжении нескольких десятилетий он оставался духовным вождем общественного движения. Его общественно-политические и философские взгляды складывались в период 30—40 годов XIX столетия.

Страшна была николаевская Россия. Суровый деспотизм, полное политическое бесправие и гнет царили в стране. Время было тяжелое. . . «Надо было с самого нежного детства, — писал Герцен, — приобрести навык скрывать все, что волнует душу, не растерять того, что хранилось в ее недрах — наоборот, надо было дать вызреть в немом гневе всему, что ложилось на сердце. Надо было уметь ненавидеть от любви, обладать беспредельной гордостью, чтобы высоко держать голову, имея цепи на руках и на ногах». **

* Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы, стр. 252.

** А. И. Герцен. Полное собр. соч., 1919 г., том VI, стр. 337.

Великие русские революционеры и мыслители XIX века были страстными борцами против самодержавия и эксплуататоров. Они призывали народ к революции. Только плебейским методом они представляли себе возможность изменения социальных условий жизни. Все они были противниками монархии, отвергая возможность какого-либо компромисса с ней. «... Вперед идти можно, — говорил Белинский, — назад нельзя, и что бы ни привлекало нас в прошедшем, оно прошло безвозвратно».

Белинский в 30-х—40-х годах наиболее полно воплотил в себе весь протест против окружающей гнусной российской действительности. Он выступил страстным борцом против самовластия и эксплуататоров трудового народа. Панаева в своих воспоминаниях передает разговор Белинского по поводу крепостного права: «Рабство — такая бесчеловечная и безобразная вещь и такое имеет развращающее влияние на людей, что смешно слушать тех, кто идеальничает, стоя лицом к лицу с ним. Этот злокачественный нарыв в России похищает все лучшие силы для ее развития».*

Однако нелегким путем пришел Белинский к революционному отрицанию ненавистной действительности. Этот путь был усеян терниями мучительных поисков истины.

В своем духовном развитии Белинский шел от абстрактного просветительства к революционному демократизму.

Слабым местом революционного демократизма Белинского являлось отсутствие у него реальной связи с народными массами. Он выступал одиночкой, хотя вдали за его спиной находились крестьянские массы, которые стихийно выступали против крепостнических порядков и произвола в стране. Эта историческая ограниченность в теории и деятельности Белинского являлась его неизбежным уделом: в стране еще не было того класса, который призван быть революционным преобразователем современного общества — не было рабочего класса.

Философские искания и мирозерцание Белинского определялись его борьбой против самодержавного строя, против крепостного права. Они были обусловлены его стремлением к революционному преобразованию современной действитель-

* А. Я. Панаева. Воспоминания, стр. 191.

ности. Я в мире боец — говорил о себе Белинский. На протяжении всей своей жизни, упорного труда и революционно-демократической деятельности Белинский стремился разрешить противоречие между идеалом и гнусной российской действительностью.

Эволюция философских взглядов Белинского от идеализма к материализму была выражением его стремления найти ответ на коренные вопросы, поставленные историческим развитием России. «Важность теоретических вопросов, — писал Белинский, — зависит от их отношения к действительности».*

В истории умственного развития крупнейших мыслителей трудно найти пример столь непрерывного и столь горячего стремления к отысканию правильного мирозерцания для преобразования действительности как в истории непрестанных исканий Белинского.

Путь философского развития Белинского чрезвычайно сложен; в этих поисках истины он иногда допускал и ошибки. «Истину назови мне» — взывал он (Белинский — *Б. Ч.*) к проникновенному разуму. Жадно, неутомимо и страстно бросился он в поиски за ней, мощный голос его, как трубный звук, стал оглашать мрачную эпоху; сзывая все живое и лучшее, способное воспринять правду — истину и правду — справедливость». **

Во всей домарксистской истории философии не было ни одного примера, чтобы философские взгляды были так органически, неотделимо слиты с передовыми социально-политическими убеждениями, как в истории русского материализма XIX века. Мироззрение Белинского складывалось и развивалось в самой теснейшей связи с его прогрессивными общественно-политическими взглядами. Для него философия не была оторвана от жизненных запросов своего времени. В философии Белинский видел духовное средство изменения действительности. Философские вопросы для него были жгучими вопросами его отношения к русской действительности. Он высмеивал ученых педантов, отрывавших философию от практических вопросов жизни, интересов народа.

* В. Г. Белинский. Соч. изд. 1874 г., т. II, стр. 42.

** С. М. Киров. Великий искатель, „Красная Новь“, 1939 г., № 11—12.

«На кафедре это герой истины, готовый защищать ее, логическими построениями, против вселенной, а в жизни это человек, хорошо вытвердивший правило «мое дело сторона» и живущий в ладу со всякою действительностью, равно счастливый при всех обстоятельствах. Удивительно ли, что философия в наше время производит только школьную партию, и что жизнь также не хочет ее знать, как и она не хочет знать жизнь?» *

Для Белинского не существовало философии вне связи с жизнью, с действительностью. Он выступил с самого начала последовательным противником немецкой идеалистической философии, провозгласившей девиз «наука для науки», «искусство ради искусства». Силу литературной критики Белинского составляло знание им жизни и понимание жизненного значения теории.

Белинский исключительно тонко понимал, что мирозерцание либо находится в разладе с действительностью в современном обществе, и тогда оно представляет собой мировоззрение народа, или оно находится в ладу с современной жизнью николаевской России, и тогда представляет собой казенную философию. Одной из важнейших задач мыслителя, по мнению Белинского, является создание философии, отражающей интересы народных масс. «Определить мирозерцание народа — задача великая, труд гигантский, достойный усилий величайших гениев, представителей современного философского знания». **

Развитие философских взглядов Белинского от идеализма к материализму отражало развитие и укрепление его революционно-демократических убеждений. Все попытки объяснить его философскую эволюцию теми или иными западными идейными влияниями, в частности влиянием немецкой идеалистической философии и материализма Фейербаха, являются несостоятельными и ненаучными. Сами эти влияния, как мы уже отмечали, должны быть объяснены, в конечном счете, отношением Белинского к действительности. Только такое

* В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., изд. Венгерова, т. VII, стр. 387.

** В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., изд. Венгерова, т. V, стр. 471—472.

объяснение дает нам ключ к познанию философского развития Белинского.

Мы не можем следовать известной схеме Плеханова, который утверждал, что Белинский первоначально был шеллингианцем, затем стал фиктеанцем, к концу 30-х годов сделался убежденным гегельянцем, в начале 40-х годов оказался под влиянием лево-гегельянства и в конце жизни стал фейербахианцем.

Анализ произведений Белинского показывает, что он, во-первых, усваивая ряд прогрессивных идей западно-европейской науки и философии, исходил при этом из своего общего общественно-политического мировоззрения и, во-вторых, что это усвоение являлось одновременно критическим преодолением всего того, что приходило в противоречие с его пониманием действительности, с его общественно-политическими взглядами. Белинскому был чужд «ученический подход» к науке и философии. Это была глубоко оригинальная и самобытная натура.

Белинский, испытывая, например, известное влияние некоторых прогрессивных идей Гегеля, хорошо понимал, что гегелевская философия в целом является оправданием реакции рабства, насилия над человеческой личностью, оправданием ханжества, лицемерия и прочей мерзости в обществе. «Хорошо прусское правительство, — иронически замечает Белинский, — в котором мы мнили видеть идеал разумного правительства! Да, что и говорить — подлецы, тираны человечества! Член тройственного союза палачей, свободы и разума. Вот тебе и Гегель». *

Позже Чернышевский неоднократно высказывал справедливую мысль, что развитие русской философии совершалось собственными силами, в процессе критики реакционных положений немецкой идеалистической философии, хотя и испытывало известное влияние наиболее прогрессивных ее идей. «Тут в первый раз русский ум, — писал Чернышевский, — показал свою способность быть участником в развитии общечеловеческой науки». **

* В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 214.

** Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы, стр. 257.

Исключительно большое значение приобретает вопрос о влиянии русской материалистической философии на складывание и развитие мировоззрения Белинского. Этому вопросу пока в исследованиях уделено мало внимания. Между тем глубокой ошибкой является попытка объяснить ход философского развития Белинского и его материализм 40-х годов без учета глубокого и определяющего влияния русской материалистической философии на его воззрения. Нельзя не вспомнить при этом, что В. И. Ленин указывал на существовавшую в России солидную материалистическую традицию. Влияние русской материалистической философии на Белинского трудно переоценить. Оно шло по различным каналам и имело многообразные источники.

Было бы большим педантством рассматривать это влияние в плоскости лишь чисто гносеологических вопросов. Влияние это было более глубоким и всесторонним. Общественно-политические и социологические воззрения Радищева, декабристов и других русских мыслителей воздействовали живейшим образом на складывание мировоззрения Белинского.

Великий русский критик литературы Белинский испытывал глубокое влияние реалистического мировоззрения поэзии декабристов, произведений Пушкина и Гоголя. В литературно-критических очерках Белинского, посвященных Пушкину, Гоголю и другим русским писателям, он развивает свой реалистический метод в литературе и одновременно реалистический подход к познанию действительности. Белинский писал, что поэзия Пушкина удивительно верна русской действительности как в изображении русской природы, так и русских характеров. Он противопоставлял реалиста Пушкина «фантасту», мистику Гофману. «... Что же касается фантазма, — писал Белинский, — его нет и признаков в поэзии Пушкина: душа Пушкина так крепка и здорова, что не могла подчиниться тому направлению...» *

Ключом к объяснению философских убеждений Белинско-

* В. Г. Белинский. Изд. Павленко, 1896 г. Соч., т. II, стр. 783.

го и его философской эволюции является революционный демократизм, которым проникнуто было все его мирозерцание. Еще в ранний период своего духовного развития Белинский выказал демократические тенденции. Революционный демократизм является движущей пружиной его интересов к той или иной философской системе взглядов, а также основой критического подхода к прогрессивным идеям западноевропейской философии и науки.

Перейдем к краткому рассмотрению процесса складывания и формирования философских взглядов Белинского.

II

Осенью 1829 года Белинский вступил в Московский университет. С этого времени начинается его демократическая и просветительная деятельность.

Умственная жизнь студентов протекала в значительной мере вне стен аудитории. Преподавание велось в плане казенной науки и философии и не могло привить студенчеству любознательность и всестороннее понимание действительности. Среди профессуры было очень мало талантливых и свободомыслящих людей. Живая и критическая деятельность студентов по преимуществу протекала в кружках.

В одиннадцатом номере студенческого общежития, где проживал Белинский, систематически происходили обсуждения литературных произведений. Перед участниками литературных дискуссий неизбежно вставали вопросы общественно-политического характера, а также проблемы мировоззрения.

Белинский был душой этих литературных вечеров, которые, в сущности, стали своеобразным кружком. Кружок был известен под названием «Литературное общество 11 нумера». «Еженедельно было у нас собрание, — сообщает Белинский, — в котором каждый из членов читал свое сочинение. Это общество, кончившееся седьмым заседанием, принесло мне ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедию...» *

В кружке протекала живая и бурная жизнь. Шли горячие споры, обсуждалось «Горе от ума» Грибоедова, произведения Пушкина, философские статьи. Здесь впервые Белинский по-

* В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 25.

знакомился с вопросами философии. Серьезное влияние на политические настроения Белинского оказала поэзия Полежаева и Рылеева. Социально-политические взгляды Радищева и революционные мотивы декабристской поэзии нашли свое прямое отражение в ранней драме Белинского «Дмитрий Калинин».

Уже в этот период времени Белинский приходит к сознанию крайней абстрактности немецкой идеалистической философии. Ведь для него исходным началом является действительность. Постепенно очерчиваются и возникают противоречия у юного Белинского между идеями идеалистической философии и вопросами действительности.

В начале 1831 года Белинский в кружке прочел свою драму «Дмитрий Калинин». Пьеса Белинского отражала политические идеи литературного кружка и встретила восторженный прием у слушателей. Она представляла собой сатиру на крепостное общество. Антикрепостнический характер пьесы перекликался с вольнолюбивыми идеями знаменитой книги Радищева и был построен на сюжете рассказа из нее.

Для нас сейчас важно отметить, что эта драма имеет не только социально-политическое значение, но что в ней отразилось мирозерцание Белинского, которое характеризуется признанием действительности как исходного пункта жизни и литературы. Белинский — реалист. Это нашло свое отражение во взглядах его героя Дмитрия Калинина, который говорит: «Терпеть здесь, чтобы вечно наслаждаться там! . . . вот истина превосходная и вместе преутешительнейшая философия! Неужели то премудрое, милосердное существо, которого мы называем богом, посылает людей на землю, как колодников на каторгу. . .»

Пьеса «Дмитрий Калинин» была заметной вехой на пути, по которому развивалось мирозерцание Белинского.

Свободомыслие Белинского и его ранняя пьеса «Дмитрий Калинин» послужили причиной его увольнения из Московского университета. Белинский, однако, продолжал поддерживать тесные связи с прогрессивно настроенным студенчеством, вступив в кружок Станкевича. Вступление Белинского благотворно сказалось на деятельности кружка. Члены кружка стали ближе к жизни. Они уже более критически относились к абстрактным идеям немецких идеалистов.

Уже Станкевич выступил с критическими замечаниями по адресу немецкой идеалистической философии. Он писал: «Мы не утратим человеческих чувств в отвлеченном абсолюте, но перенесем идеал в жизнь и дадим жизнь идеалу».*

Крайняя абстрактность немецкой идеалистической философии встретила оппозицию со стороны ряда членов кружка. Это критическое отношение резко усилилось с приходом Белинского в кружок. Отвлеченный и умозрительный характер обсуждений вопросов эстетики и литературы в кружке постепенно сменяется более реалистической постановкой вопросов философии и эстетики, которые в известной мере связываются с социально-политическими проблемами современной жизни.

Даже будучи идеалистом, Белинский не мог примириться с крайней отвлеченностью идеалистического мировоззрения. Вместе с тем он был противником мелкого и ничтожного эмпиризма. По его словам, русскому уму чужда как первая, так и вторая крайности. «Во всяком случае, — писал он, — не надо забывать, что русский ум любит простор, ясность, определенность: чистое умозрение его не отуманит, но отвратит от себя; фактизм может сделать его мелким, поверхностным».**

В жизни Белинского сыграл серьезную роль для его духовного развития Надеждин, издатель и редактор «Телескопа» и «Молвы». Надеждин в своих статьях в «Телескопе», которые были встречены Белинским с живейшим интересом, выступил против мистического понимания искусства. Он писал, что понятие красоты представляет собой не только результат наших субъективных представлений, но и вне нас существующего явления. Правда, это положение не получило у него дальнейшего развития.

С сентября 1834 года началась плодотворная литературно-критическая и публицистическая деятельность Белинского. В еженедельнике «Молва» появилась его статья под названием «Литературные мечтания» — «элегия в прозе». Это было талантливое и оригинальное произведение, обратившее на себя внимание широкой общественности. В вопросах мирозерцания автор стоял на позициях идеалистической фило-

* Переписка Н. В. Станкевича, стр. 576.

** В. Г. Белинский. Соч., т. II, изд. 1883 г., М., стр. 75.

софии. Но что для него было характерно, это, во-первых, требование привнесения идеи в действительность и, во вторых, признание в жизни развития и борьбы. Он писал, что «жизнь есть действительность, а действие есть борьба...» *

Не менее важной мыслью Белинского в этом произведении являлось утверждение о том, что литература является выражением духа народного. Он писал, что «народность — вот альфа и омега нового периода». ** Для Белинского народность представляет высший критерий, пробный камень достоинства всякого поэтического произведения.

Этот тезис Белинского, развитый в вопросах литературы и эстетики, имеет прямое отношение ко всему его мирозерцанию. Он обращен непосредственно к действительности и означал требование реалистического подхода к вопросам жизни. Белинский стоял тогда на почве идеализма, но его мировоззрение было проникнуто реалистическими тенденциями.

При анализе философских воззрений Белинского надо иметь в виду то-чрезвычайно важное обстоятельство, что он, пребывая на позициях идеалистической философии, непрерывно развивал реалистический подход к действительности. Своим источником этот реалистический подход к действительности имел его прогрессивные социально-политические убеждения с одной стороны и влияние русской материалистической философии — с другой стороны. Существенное влияние оказало реалистическое направление современной ему русской литературы в лице Пушкина и Гоголя. Это понятие действительности, жизни, обогащаемое непрерывно реалистическим содержанием, постепенно подводило Белинского к материалистическому мирозерцанию. «В горниле моего духа, — писал Белинский, — выработалось самобытно значенное великого слова действительность». ***

К этому времени относятся критические замечания Белинского по адресу немецкой идеалистической философии. Он подчеркивал ее крайнюю абстрактность и уход от жизни,

* В. Г. Белинский. Избр. соч., 1947 г., стр. 9.

** В. Г. Белинский. Избр. соч., 1947 г., стр. 44.

*** В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 228.

действительности. В этом он усматривал ее коренной порок. Белинский говорил, что учение об искусстве немецких идеалистов рассыпается в прах при столкновении с суровой прозаической действительностью.

В статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835 г.) Белинский еще больше приближается к требованию реализма в области поэзии и литературы. Поэзию реальную он провозглашает истинной и настоящей поэзией нашего времени. Он выступает противником умозрительной и абстрактной теории эстетики немецких идеалистов. Он противопоставляет им реалистические принципы, среди которых важнейшим для него является принцип народности, а также принцип отражения самой жизни. Мы требуем, как указывал Белинский, не идеала жизни, но самой жизни, как она есть. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотим ее украшать, ибо думаем, что в поэтическом представлении она равно прекрасна в том и в другом случае, и потому именно, что истинна. Источником действительной поэзии, по мнению Белинского, является жизнь. Писатель должен быть верен действительности.

В своих конкретных оценках Гоголя и его произведений, исходя из этого реалистического принципа, Белинский усматривает начало новой эпохи литературного творчества в России. Вместе с тем нельзя не отметить, что реалистические произведения Гоголя в свою очередь оказали серьезное влияние на укрепление реалистического воззрения Белинского на литературу и жизнь. К анализу художественного произведения Белинский подходил с точки зрения отношения искусства к действительности.

Противоречия между идеалом и действительностью неоднократно вызывают у Белинского разлад в его мировоззрении. Этот разлад на почве идеалистической философии нашел свое отражение в период 1836 года во временном принятии им отдельных положений философии Фихте, а в период 1837-1839 гг. он привел его даже к временному примирению с тогдашней действительностью.

Принятие момента субъективизма у Белинского вылилось в своеобразную форму — в требование переустройства жизни при помощи субъективной деятельности человека. Фихтеанство отнюдь не сделалось и не могло сделаться органической частью его мирозерцания. «Фихтеанизм», — говорил

Белинский Бакунину, — «принес мне великую пользу, но и много сделал зла... он возбудил во мне... веру в мертвую и абстрактную мысль. Кто понимает действительность отвлеченно, но в то же время живо, — тому еще нечего пенять своему прошедшему и можно даже благословлять (его); но кто, не понимая мысли, увлекается только ее логической необходимостью, без внутреннего чувственного убеждения ее истинности, — тому есть за что сердиться на себя. И опять скажу: твой фихтеанизм имел другое значение, нежели мой: ты и понял его глубже и он для тебя был последовательным переходом из одного момента в другой, а я прогулялся по нем больше для компании, чтоб тебе не было скучно одному...». Фихтеанский умозрительный субъективизм в мирозерцании у Белинского своеобразно преломился в форме революционной духовной деятельности для преобразования действительности, т. е. преломился в форме несвойственной самому фихтеанству.

Белинский — весь горение и искание. Он стремился к преобразованию российской действительности, но, не находя в ней необходимых средств и движущих сил для ее практического изменения, временно искал на почве субъективной деятельности разрешения вечно мучившей его проблемы: противоречия между действительностью и идеалом. Борьба против действительности вследствие того, что Белинский не находил практических сил для ее коренного изменения, приобрела для него субъективно-умозрительный смысл, основным содержанием которого было объявлено действие и воля человека.

Однако Белинский не был бы самим собой, если бы скоро не почувствовал ошибочности своих умонастроений и не понял бы, что субъективное действие в чисто духовной сфере означает уход от разрешения мучившего его кардинального вопроса. И вот мы видим, как он первоначально высказывает сомнения в отношении фихтеанских идей за их абстрактный характер и уход от конкретной действительности, а несколько позже он отвергает их совершенно. В письме к Бакунину 14 августа 1838 года он писал: «...дух утомился отвлеченностью и жаждал сближения с действительностью».

Пребывание в Премухино у Бакунина было связано не

только с влиянием на Белинского некоторых идей Фихте, но и взглядов Чаадаева. Прогрессивные идеи Чаадаева укрепляли у Белинского его прогрессивно-демократические воззрения. «Философические письма» Чаадаева были направлены против крепостнического и самодержавного строя, против проклятой действительности. Чаадаев говорил: «Вам придется себе все создавать, сударыня, вплоть до воздуха для дыхания, вплоть до почвы под ногами. И это буквально. Эти рабы, которые Вам прислуживают, разве не они составляют окружающий Вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая Вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся».

Протест Чаадаева против проклятой российской действительности оказал серьезное влияние на отрицание Белинским в этот период времени действительности. Вот почему было бы неправильно связывать отрицание Белинским действительности в премухинский период исключительно с идеями Фихте. Вместе с тем взгляды Чаадаева укрепляли в Белинском веру в будущее. Рассуждения Чаадаева по вопросу о национальной и всемирно-исторической роли России полностью совпали с его взглядами на будущее развитие страны и роль русского народа.

Мировоззрению и складу мышления Белинского, несмотря на временное и чисто внешнее увлечение субъективизмом, органически было чуждо существо субъективизма, который уводил от эмпирической, конкретной действительности. Действительность же для него являлась исходным пунктом всего его способа мышления и мировоззрения в целом. Вот почему Белинский очень скоро расстается с субъективно-идеалистическими идеями Фихте, навеянными в значительной мере Бакуниным. «Неистовый Виссарион» провозглашает действительность основой своих взглядов на жизнь. Он бросает гордый вызов отвлеченной фихтеанской философии. «Я уважаю мысль, — писал он, — и знаю ей цену, но только отвлеченная мысль в моих глазах ниже, бесполезнее, дряннее эмпирического опыта...».*

* В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 267,

Белинский стремится прорваться в своем мировоззрении к эмпирической действительности. Будучи идеалистом, он высказывает ряд реалистических положений. «Я мыслю (сколько в силах), — писал он, — но уже если моя мысль не подходит под мое созерцание или стучается о факты — я велю ее мальчику вымести вместе с сором».*

Белинский высказывал мысль, что действительность мстит за себя, когда мыслитель пытается отдалиться от нее. Он критикует Бакунина за его субъективно-идеалистические воззрения, за уход в субъективную мысль от действительности. «У меня надежда, — писал он Бакунину в октябре 1838 года, — на выход не в мысли (исключительно), а в жизни, как в большом или меньшем участии в действительности не созерцательно, а деятельно».

Однако Белинскому предстояло пережить еще много горьких разочарований и исканий, прежде чем встать на путь материалистического мирозозерцания. Предстояло еще много борьбы и раздумий. «... Каждый мой прогресс в знании, — писал он, — есть повесть, прекрасная, поэтическая повесть, то с улыбкой, но больше с слезами и страданием».**

Период 1837—1839 гг. у Белинского связан с временным примирением с тогдашней действительностью и влиянием некоторых идей философии Гегеля. Проблема действительности неотступно стояла перед Белинским. Он чувствовал, что никакими субъективно-идеалистическими заклинаниями нельзя решать вопрос о ней. В этот период времени он бьется в тисках противоречий: действительность — закономерный факт, она заявляет о себе всем своим существованием и в то же время она имеет гнусный характер. «Действительность есть чудовище, вооруженная железными когтями и железными челюстями: кто охотно не отдается ей, того она насильно схватывает и пожирает».***

Применяя известное гегелевское положение — «все действительное разумно, все разумное действительно» к объяснению российской действительности и ее исторической закъ-

* В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 268.

** В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 219.

*** В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 231.

номерности, он приходит к ошибочному выводу о необходимости примирения с действительностью. Эти воззрения держали Белинского в плену до 1840 года. Они нашли свое отражение в таких статьях, как «Бородинская годовщина», (1839 г.) и «Очерки бородинского сражения» (1839 г.).

С глубокой болью и горечью вспоминал свое недолгое примирение с русской действительностью Белинский. «Простулся я, — писал он, — и страшно вспомнить мне о моем сне».

В этот период Белинский далеко не согласен со многими положениями Гегеля, в частности в вопросах эстетики. Он отрицательно отнесся ко второй части «Фауста» Гете, усмотрев в ней «мертвую, пошлую символистику». В объяснении эстетических положений он исходит из содержания, выступив против переоценки формы и ее отрыва от содержания и тем самым высказавшись против основных догм идеализма в эстетике.

Огромное значение в преодолении ошибочных положений гегельянской философии для Белинского имела его глубокая вера в народ как источник исторического творчества и создателя действительности, вера в его прогрессивные общественно-политические стремления. Серьезное значение в этом процессе имело также влияние реалистического творчества Пушкина и Гоголя. В этой связи он переоценивает свое прежнее отрицательное отношение к творчеству Пушкина. Реализм произведений этих двух великих писателей помогает Белинскому преодолеть гегельянскую эстетику и, тем самым, создает предпосылки для преодоления его общего идеалистического мировоззрения.

Любовь к народу не могла долго удержать Белинского в рамках абстрактных идей философии Гегеля. Жестокая действительность, тяжелое экономическое положение народа, полное его политическое бесправие — все то, что всегда так остро ощущалось Белинским, приходило в противоречие с его тезисом о примирении с действительностью. Переезд в Петербург, где он столкнулся с жестокой действительностью николаевской России, ускорил в нем внутренний протест против его же собственного взгляда на необходимость временного примирения с действительностью. «Петербург, — писал он Боткину от 3 февраля 1840 года, — был для меня

страшную скалою, о которой больно стукнулось мое прекрасное сердце». *

Это нарастающее внутреннее противоречие в сознании Белинского породило у него понимание революционной идеи отрицания. Теоретическое осознание этого великого положения находилось в теснейшей связи с влиянием на Белинского со стороны Герцена и других его друзей. Любовь к народу, к обездоленным и трудящимся привела его к критике собственных взглядов на историческую закономерность, понимаемую им в то время в фатальном смысле. В письме к Боткину 8 сентября 1841 года он писал: «Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что я понимаю идею, что мне открыт мир идей в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству... Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч!» **

Письма и произведения Белинского, относящиеся к 1840 г., показывают, что он понимает «ужасное противоречие» между гегелевским понятием абсолюта и человеческой личностью с ее горькой участью. Он критикует точку зрения гегелевского абсолютного идеализма.

«Нет, — пишет он Боткину 5 сентября 1840 года, — я так не отстану от этого Молоха, которого философия назвала общим, и буду спрашивать у него: куда дел ты его (человека) и что с ним стало?»

Белинский подвергает критике фаталистическое понимание исторической закономерности и оправдание с помощью такого понимания ненавистной действительности. Он видит внутреннее единство между формулой Гегеля о разумности всего действительного и реакционными выводами в отношении действительности. Он писал: «что есть, то разумно; да и палач ведь есть же, и существование его разумно и действительно, но он тем не менее гнусен и отвратителен...»

* В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 26.

** В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 266.

Отныне — для меня абсолютист и кнутобой — одно и то же.*

В своей статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1 февраля 1840 г.) Белинский не менее ясно, хотя менее резко, по цензурным обстоятельствам, выступал против Гегеля. Он заявлял: «Что действительно, то разумно, и что разумно, то и действительно: это великая истина; но не все то действительно, что есть в действительности...». ** Белинский осознает реакционность гегельянского положения и теоретически и политически.

Несколько позже Белинский указывал, что он давно подозревал, что философия Гегеля таит в себе реакционные моменты, с которыми невозможно согласовать действительность и свои прогрессивные общественно-политические убеждения. «Белинский вскоре почувствовал, — писал Киров, — что признать вслед за Гегелем, Пруссию «совершенным государством» — значит отрицать процесс всякого развития, оказаться философским банкротом». *** Белинский даже в пору увлечения Гегелем чувствовал противоречивость его философии.

Большую роль в разрыве Белинского с философскими взглядами Гегеля сыграл Герцен. Его материалистические взгляды определили собой в значительной степени переход Белинского к материализму. Сыграл некоторую роль и материализм Фейербаха. Герцен повидимому познакомил его с философскими воззрениями Фейербаха.

Было бы неправильно думать, что Белинский, как это утверждают многие исследователи, в процессе преодоления гегельянства усвоил полностью точку зрения Фейербаха. Его глубокое понимание роли народа в общественном движении, принятие точки зрения развития в природе и в обществе, действенный гуманизм и развитие революционно-демократических взглядов — все это не могло быть согласовано с метафизическим и абстрактным материализмом Фейербаха, с его отвлеченным пониманием положения личности в обществе.

* В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 187.

** В. Г. Белинский. Избр. соч., изд. 1934 г., т. I, стр. 474.

*** С. М. Киров. Великий искатель. „Красная Новь“, 1939 г., № 11—12.

Произведения Герцена явились ответом на многие вопросы, поставленные ходом философской и политической эволюции Белинского. В письме к Боткину 6 февраля 1843 года Белинский писал: «Скажи Герцену, что его «Дилетантизм в науке» — статья до нельзя прекрасная — я ею упивался и беспрестанно повторял: вот как надо писать для журнала». *

Переход Белинского от идеализма к материализму сопровождался одновременно развитием у него революционно-демократических воззрений и переходом к утопическому социализму. Революционный демократизм и утопический социализм Белинского были выстраданы им в течение многих лет исканий и нередко заблуждений. В письме к Боткину 8 сентября 1841 года он писал: «...Я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса». **

Утопический социализм Белинского был теснейшим образом связан с его революционным демократизмом. Он ничего общего не имел с мирным характером утопического социализма на Западе. Для Белинского было характерно сочетание социалистических убеждений с идеей революционного освободительного движения масс, а также насильственных методов борьбы для коренной перестройки общественных отношений. Социалистический гуманизм Белинского был внутренне и неразрывно связан с его требованием необходимости борьбы против самодержавного и крепостного строя.

Свой взгляд на вопрос о роли народных масс в истории и значении революционного насилия против самодержавия Белинский вырабатывает в жестокой борьбе с реакционными взглядами Гегеля, Фихте и Шеллинга. Он пишет, что «...смешно и думать, что это (осуществление социализма — Б. Ч.) может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. ***

* В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 334.

** В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 262.

*** В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 269.

Интересным фактом философской и политической эволюции Белинского является его знакомство с революционно-демократическими воззрениями Маркса и Энгельса.

В. П. Боткин в статье «Германская литература» * познакомил русское общество с ранней работой Энгельса «Шеллинг и откровение». Он в значительной мере воспроизвел ее без ссылок на автора. Эта статья, отражавшая идеи и взгляды молодого Энгельса, произвела сильное впечатление на Белинского, который писал Боткину: «Твоя статья о «Немецкой литературе» в I номере мне чрезвычайно понравилась — умно, дельно и ловко». **

Содержание «Немецко-французских ежегодников» стало известно Белинскому, на которого огромное впечатление произвела статья молодого Маркса. В статье «Критика философии права Гегеля» Маркс подверг беспощадной критике религию. Он писал, что «... борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовным ароматом которого является религия.

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительности нищеты и протест против действительной нищеты. Религия — это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, дух бездушного безвременья. Она — опиум народа.

Упразднение религии, как призрачного счастья народа, есть требование его действительного счастья». *** «Немецко-французские ежегодники» вызывали не только исключительный интерес у Белинского, но и оказали известное влияние на выработку у него реалистического взгляда на общественные отношения. Белинский писал Герцену об огромном впечатлении, которое произвело на него чтение этого ежегодника. «Два дня я... был бодр и весел, — и все тут. Истину я взял себе, — и в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова как следующие за ними четыре. Все это так, но ведь я попрежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и как думаю». ****

* «Отечественные записки», 1843 г., № 1.

** В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 334.

*** Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 399.

**** В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 87.

Воинствующий атеизм молодого Маркса произвел сильное впечатление на Белинского. Достоевский, познакомившийся с Белинским в 1845 году, пришел в ужас от его вольнодумства, о чем сообщал в своем письме к Страхову. В спорах Герцена с Грановским по вопросам религии Белинский стоял на почве атеизма. Маркс в «Критике философии права Гегеля» показал, что критика религии есть критика современного общества. «Критика неба обращается, таким образом, в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики». * Маркс потребовал обращения к действительности — к действительному человеку и его борьбе против современного мира, указав на пролетариат как на класс, который должен совершить радикальную революцию в обществе.

Реалистический взгляд Маркса на общество, высказанный им в «Немецко-французских ежегодниках», не мог не оказать известного влияния на воззрения Белинского в период критического преодоления им «примирения с действительностью». Белинский, обратившись к борьбе против самодержавного крепостнического строя в России, писал: «действительность, — вот лозунг и последнее слово современного мира! Действительность в фактах, в знании, в убеждениях чувства, в заключениях ума, — во всем и везде действительность есть первое и последнее слово нашего века». **

III

Материализм Белинского выковывался в процессе прогрессивных влияний взглядов русских материалистов Ломоносова, Радищева, Герцена, материалиста Фейербаха, воззрений молодых Маркса и Энгельса и русской реалистической литературы в лице Грибоедова, Кольцова, Пушкина и Гоголя. Чернышевский высказывает глубокую мысль о том, что материалистическое мировоззрение Белинского является закономерным итогом его политических и теоретических

* Маркс и Энгельс. Соч., т. I, стр. 400.

** В. Г. Белинский. Соч., изд. 1874 г., М., т. VI, стр. 195.

убеждений и взглядов. Несмотря на временный отход Белинского в сторону от реалистических тенденций своего мировоззрения в процессе духовного развития, он не без противоречий и борьбы непрерывно приближался к материализму. «Каждый, — писал Чернышевский, — кто перечитывает статьи Белинского в хронологическом порядке, видит, что они тесно связаны между собою, что в развитии его мнений нет ни перерыва, ни внезапных поворотов, что это развитие совершалось правильно и совершенно постепенно, почти неуловимым образом, а между тем, находились люди, с удивительной меткостью обвинявшие Белинского в том, что «ныне он сам противоречит тому, что говорил за месяц». Как могло возникнуть мнение, столь очевидно противоречащее всем известной твердости и последовательности убеждений Белинского? Дело в том, что люди, не одаренные излишнею проницательностью, вечно останавливаются на отдельных фразах, не вникая в связь и смысл речи, и потому им постоянно грезятся противоречия».*

Как мы уже отмечали, большой исторической заслугой Белинского является критика им немецкой идеалистической философии. Он был одним из первых кто поднял знамя борьбы против немецкой идеалистической философии. «Овладев системой Гегеля, — писал Герцен, — он первый из его московских адептов, восстал, если не против Гегеля, то по крайней мере против обычного его толкования».** Герцен свидетельствует неоднократно о критическом отношении Белинского к философии Гегеля даже в период наибольших увлечений им гегелевской философией. В своих воспоминаниях Герцен замечает, что однажды в кругу своих друзей Белинский, выступая против философии абсолютного идеализма Гегеля, воскликнул: «Вы хотите меня уверить, что цель человека — привести абсолютный дух к его самосознанию и довольствоваться этой ролью? Ну, а я недостаточно глуп, чтобы служить невольным органом кого бы то ни было. Если я думаю, если я страдаю, то сам для самого себя. Ваш абсолютный дух, если он существует, мне чужд.

* Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы, стр. 334.

** А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VI, стр. 384.

Мне нечего его знать, так как у меня ничего с ним общего». * Белинский указывал, что ответы гегелевской философии принадлежат прошлому, вполне пережитому периоду человечества.

Белинский даже в период наибольшего увлечения философией Гегеля в 1838 году указывал, что не все истины ее неприкосновенны, святы и непреложны. Так, например, в своем письме к Бакунину он писал: «Глубоко уважаю Гегеля и его философию, но это мне не мешает думать (может быть ошибочно: что до этого?), что еще не все приговоры во имя ее неприкосновенны, святы и непреложны». **

В процессе освежающей критики немецкой идеалистической философии великий русский материалист стремился создать свой диалектический метод. Он в блестящей форме формулировал закон поступательного движения, развития, отвергнув метафизические взгляды на развитие. Все в мире, писал Белинский, находится в непрестанном движении и развитии; происходит непрерывное формирование. «Жизнь есть не что иное, как беспрерывно движущее развитие, беспрестанное формирование». *** Происходит переход от низшего к высшему. Нет предела развитию человечества

Критика со стороны Белинского немецкой идеалистической философии была известным подготовлением философских позиций Чернышевского и Добролюбова. Он дал им возможность избежать исканий и ошибок на пути преодоления идеалистической философии Гегеля.

Разорвав с идеализмом, Белинский не мог удовольствоваться и материалистической точкой зрения Фейербаха. Будучи революционным демократом и признав социализм, как необходимый этап развития общества, он не мог удовлетвориться созерцательным и метафизическим фейербаховским материализмом. Белинский провозгласил необходимость борьбы с самодержавием и крепостническим строем, выдвинув насилие как необходимое средство народной революции для установления демократического строя. Он не мог разделить взгляды Фейербаха на религию и на этику, стремясь

* А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VI, стр. 305.

** В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 266.

*** В. Г. Белинский. Соч., т. IV, стр. 482.

связать критику религии с критикой существующего строя. Он писал, что «критика религиозного законодательства многих народов есть в то же время и критика общественного устройства...» *

В лице Белинского мы имеем последовательного атеиста. Что касается вопросов морали, то Белинский в этот период времени связывает их с вопросами политики и с социалистическим гуманизмом. Он писал: «не верю я этой всеобщей любви, равно на всех простирающейся и не отличающей своих от чужих, близких от дальних: это любовь философская, немецкая, романтическая. Может быть она и хороша, да чорт с ней, не потребною...» **

Большим преимуществом мировоззрения Белинского перед мирозерцанием Фейербаха является плодотворная попытка Белинского связать диалектику с материалистическим мирозерцанием.

Белинский развивает последовательный и цельный материализм в вопросах природы, подвергая критике идеализм, который, по его словам, не считается с миром действительности и с ее законами и стремится все подчинить своему разуму. Идеализм ведет к произвольным и ложным теориям в науке и искусстве. «Отвлекающий идеализм, — замечает Белинский, — во всем ведет к произвольности в воззрениях и построениях, потому что факты отвергаемой им действительности не мешают ему принимать свои карточные домики за настоящие рыцарские замки». ***

В конце 40-х годов Белинский резко и страстно выступает против идеалистической теории «чистого искусства». Он заявляет, что искусство является воспроизведением действительности, а действительность есть конкретная, земная действительность, реальная жизнь человека и общества. Для него искусство и литература являются выражением общественных вопросов.

Критикуя «теорию чистого искусства» и подчеркивая связь искусства с жизнью, Белинский писал: «...мысль о ка-

* В. Г. Белинский. Избр. философск. соч., стр. 455.

** В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 281.

*** В. Г. Белинский. Собр. соч. под редакцией Носкова, стр. 1253.

ком-то чистом, отрешенном искусстве, живущем в своей собственной сфере, не имеющем ничего общего с другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Таково искусство нигде и никогда не бывало...» *

В своем миросозерцании Белинский последовательно материалистически развивает основной вопрос философии. «Духовную природу человека, — писал он, — не должно отделять от его физической природы, как что-то особенное и независимое от нее, но должно отличать от нее, как область анатомии отличают от области физиологии. Законы ума должны наблюдаться в действиях ума. Это дело логики. наука непосредственно следующей за физиологией, как физиология следует за анатомией. Метафизику к чорту: это слово означает сверхнатуральное, следовательно нелепость, а логика по самому своему этимологическому значению, значит и мысль и слово. Она должна идти своею дорогою, но только не забывать ни на минуту, что предмет ее исследования — цветок, корень которого в земле, то есть духовное, которое есть не что иное как деятельность физического». **

Белинский рассматривает природу как начало всякой жизни; она обладает первоначальной творящей силой, действующей по присущим ей законам. «В своем первоначальном значении природа, — писал он в статье «Общий взгляд на народную поэзию», — есть самодеятельная творящая сила, неисчерпаемая и неистощаемая жизненная субстанция, которая из безразличного субстанциального пребывания в самой себе беспрестанно определяется в живые отдельные явления...» ***

Он подвергает критике дуалистический взгляд на жизнь, указывая, что психологические процессы вытекают из материальной жизни, физических процессов. «Человек состоит, — писал Белинский, — из тела и души, но ведь нельзя же сказать: вот в нем тело, а вот душа; доселе анатомия и физиология еще не нашли (и никогда не найдут) места в теле, где

* В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847 г., т. IV, изд. Иогансона.

** В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 175.

*** В. Г. Белинский. Полное собр. соч. под ред. Венгерова, т. VI, стр. 548.

живет душа, и как тело без души, так и душа без тела есть отвлеченное понятие, а не действительное явление, не человек». *

Этот исходный материалистический принцип Белинский применяет при рассмотрении им вопросов литературы и эстетики. Наука и искусство, по его словам, в своих понятиях и образах отражают действительность. «Следовательно, — пишет он, — наука и искусство не выдумывают новой и небывалой действительности, но у той, которая была, есть и будет, берут готовые материалы, готовые элементы — словом готовое содержание». **

Белинский рассматривает реализм как высшую ступень развития искусства. Ярким выражением материалистического взгляда на проблемы литературы является его знаменитое «Письмо к Гоголю». Он поставил вопрос об искусстве больших идей и страстей, отражающих действительную жизнь, об искусстве, глубоко связанном с интересами и потребностями народа. В этой связи Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» указывал, что теория определяется отношением к действительности, к общественной жизни и потребности народа.

Глубокую материалистическую мысль развивает Белинский, касаясь научного знания. Он отвергает претензию идеалистов вывести его из абсолютной идеи, мирового разума. «Наука ничему не учит, ни чему не выучивает, замечает он очень тонко, — она дает знания законов, по которым существует все существующее». ***

В отличие от Фейербаха Белинский развивает принцип активности в своем миросозерцании. Это находится во внутренней связи с признанием им диалектики как аналога действительности. Белинский выступает великим диалектиком своего времени.

Еще в своих ранних произведениях, будучи идеалистом, он развивает диалектический взгляд на действительность,

* В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. под редакцией Венгерова, т. VI, стр. 337.

** В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. под редакцией Венгерова, т. VI, стр. 12.

*** В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. под редакцией Венгерова, т. IV, стр. 336.

понимаемую им тогда еще идеалистически. «Кружится колесо времени, — писал он в «Литературных мечтаниях», — с быстротою непостижимою, в безбрежных равнинах неба потухают светила, как истощившиеся вулканы, и зажигаются новые; на земле проходят роды и поколения и заменяются новыми, смерть истребляет жизнь, жизнь уничтожает смерть; силы природы борются, враждуют и умиротворяются силами посредствующими, и гармония царствует в этом вечном брожении, в этой борьбе начал и веществ. Так — идея живет...» *

В отличие от представителей немецкой идеалистической философии Белинский в ранний период своего духовного развития последовательно развивает тезис о непрерывности борьбы, как содержания действительности и жизни. «Без борьбы нет заслуги, — писал Белинский, — без заслуги нет награды, а без действия нет жизни! Что представляют собою индивидуумы, то же представляет человечество: оно борется ежеминутно и ежеминутно улучшается». **

Под этим углом зрения он рассматривает и литературную критику, заявляя, что полемика необходима, так как она выражает собою движение. «Истинного и сильного таланта, — писал Белинский, — не убьет суровость критики, так как незначительного не подымет ее привет». ***

Вторым отличительным признаком диалектики Белинского, когда он находился еще на позициях идеализма, являлось требование активного вмешательства личности в общественный процесс с целью изменения действительности. Он требовал творческой и кипучей деятельности, указывая, что жизнь есть действие, действие есть в свою очередь борьба.

Указанные два принципа диалектики Белинского приходили во внутреннее противоречие с принципами диалектики Шеллинга и Гегеля, идеалистическая диалектика которых не могла провести последовательно принцип противоречивости развития и тем более принцип активного вмешательства личности в процесс развития. Последовательное проведение тезиса о борьбе в процессе развития жизни и о необходимости

* В. Г. Белинский. Соч., изд. 1888 г., М., т. I, стр. 15-16.

** В. Г. Белинский. Соч., изд. 1888 г., т. I, стр. 16.

*** В. Г. Белинский. Соч., изд. 1888 г., М., т. II, стр. 108.

сти активного вмешательства в исторический процесс являлось выражением прогрессивных общественно-политических взглядов Белинского, глубокого понимания им сути диалектики. Белинский был противником той философии, о которой идеалист Фихте писал: «Философствовать — значит не действовать, действовать — значит не философствовать».

Став материалистом, Белинский развивает глубокий взгляд на развитие. Для него все живое есть результат борьбы, напротив, — все, что является и утверждается без борьбы, — мертво. В основе окружающей действительности развития лежит борьба противоположностей. Исключительное значение в учении о развитии у Белинского приобретает идея диалектического отрицания, которая представляет собой всеобщий закон жизни. Прогресс возникает в результате отрицания старого.

Белинский подвергает критике Гегеля за его теоретическую непоследовательность в учении о развитии и политический консерватизм при рассмотрении развития в обществе. Он писал, что нелепо думать, что развитие должно остановиться, что имеется крайняя степень его. Предела развитию человечества не существует, и никогда человечество не скажет себе: стой, довольно, больше идти некуда!

Белинский связывает свое учение о развитии и о противоречиях с вопросом об активной роли личности и народа в общественно-историческом процессе. Он писал, что отрицание является его богом и что в истории его героями являются разрушители старого.

Свои взгляды на диалектический метод Белинский пытается связать со своим революционным демократизмом. Диалектика выступает у него алгеброй революции. Свой диалектический принцип он стремится провести при рассмотрении вопроса исторического процесса развития России, при обсуждении вопроса о развитии литературы, при рассмотрении проблем эстетики. Диалектический метод становится у него органической частью его мирозерцания.

Диалектика Белинского зовет к пониманию и к преобразованию действительности. Она не боится трудностей, выступает против подрумливания жизни, скрывающего темные стороны действительности. «Нашему веку, — писал Белин-

ский, — не нужно шутовских бубенчиков, приятных заблуждений, ребяческих погремушек, отрадных, утешительных лжей. Если бы ложь предстала перед ним в виде юной и прекрасной женщины и с улыбкой манила его в свои роскошные объятия, а истина в виде страшного остова смерти, лежащего на гигантском коне с косою в руках: он отвергся бы, с презрением и ненавистью, от обольстительного призрака и бросился бы в мертвящие объятия остова. . . Ему лучше ощутить себя в действительных объятиях страшной смерти духа, чем схватить в свои руки призрак, долженствующий исчезнуть при первом к нему прикосновении».*

Однако идеалистическое понимание истории, неизбежно ограничивало диалектику Белинского, не позволив ему последовательно научно объяснить исторический процесс.

В истории развития русской философии Белинский выступает как великий материалист, чьи идеи оказали непреходящее влияние на весь ход последующего развития материалистической мысли в России. Без Белинского трудно себе представить великих русских материалистов Чернышевского и Добролюбова. В поисках истины проложил он своим преемникам путь для создания материалистической философии, составившей вершину в развитии всей домарксовской философии.

IV

Буржуазная философская историография отказывалась признать Белинского философом и социологом на том основании, что Белинский связывал свои философские воззрения с вопросами политики, литературы и морали. В этих высказываниях буржуазных историков философии ясно виден классовый характер подхода к философии, как к сфере «чистого знания», отрешенного от вопросов общественной практики и политики прогрессивных общественных классов.

Белинский был противником «чистой философии», «чистой науки», «чистого искусства». Он был сторонником соединения философии с прогрессивным общественно-политическим движением, а так как политика в тот период времени выступала своеобразно в форме литературной критики, то философия

* В. Г. Белинский, Собр. соч., изд. Иогансона, т. II, стр. 493.

фия была объединена у Белинского с литературной критикой. Великий литературный критик Белинский выступает одновременно в своих произведениях, как крупнейший философ и социолог своего времени.

Понимая внутреннюю связь философии с общественно-политическими течениями мысли, Белинский не мог в своих произведениях обойти социологические проблемы, которые настойчиво ставились самой жизнью русского общества, он пытался разрешить ряд важнейших проблем общественной жизни по-новому, оригинально. В этой области Белинский проявляет нередко реалистический подход к решению социальных вопросов. Не без известного основания Плеханов высоко оценивал Белинского как социолога. Он писал: «что и до сих пор — каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличие которых открыл Белинский чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решенными им вследствие крайней отсталости современной ему российской действительности».*

Нам кажется, что до сих пор социологические воззрения Белинского не получили должной оценки. Нельзя не вспомнить слов Энгельса, который указывал, что в России историческая школа в противоположность немецкой и французской историческим школам отличалась глубоким, критическим и прогрессивным содержанием своих взглядов. Маркс и Энгельс подчеркивали высокую идейность, научную глубину и революционность демократической мысли в России. Белинский в своих общественно-политических воззрениях принадлежит к критической исторической школе.

Глубокое содержание взглядов Белинского на общество и его развитие имеет своим источником революционный демократизм, а в более ранний период прогрессивные демократические тенденции просветительства. Не будь этого, Белинский не смог бы так содержательно и глубоко ставить вопрос об истории, об общественной закономерности, о роли народа и личности в истории.

Революционный демократизм возвышает Белинского как социолога над тьмой буржуазных историков и социологов

* Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 167.

его времени и даёт ему возможность понять и открыть в развитии общества то, что находится вне пределов понимания буржуазных ученых 30-х и 40-х годов XIX столетия. К тому же Белинский обладает тем огромным преимуществом перед всем сонмом буржуазных историков и социологов, что он стремится диалектически объяснять общественный процесс. Ему чужд общий метафизический взгляд на течение исторической жизни. Однако диалектика Белинского, связанная с материалистическим пониманием природы, лишена материалистического содержания и носит в целом идеалистический характер в объяснении общественно-исторического процесса в целом.

Историческая мысль до Маркса, как указывает Ленин, имела два порока, которые были устранены историческим материализмом. Первый порок сводился к тому, что прежняя социология в объяснении общественно-исторической жизни исходила из идейных мотивов в деятельности людей, не вскрывала определяющей роли материальных условий в историческом процессе. Второй порок заключался в том, что буржуазная социология игнорировала действия народных масс в историческом процессе. Белинскому был присущ в полной мере первый недостаток всей прежней социологии. Он стоял на почве идеалистического объяснения истории в целом. Зато во взглядах Белинского в значительнейшей мере отсутствовал второй порок. В объяснении исторического процесса он исходил из деятельности народных масс. Однако, будучи идеалистом, Белинский не мог понять, что действия народных масс и борьба классов, являются движущей силой общественно-исторического процесса, хотя в ряде случаев он приближался к пониманию реально исторического процесса, как движения народных масс.

Социологические взгляды Белинского имели свою эволюцию; они постепенно складывались с развитием его революционно-демократических взглядов по мере перехода от идеализма к материализму в области объяснения природы. Они формировались и развивались в процессе борьбы с позитивизмом Конта, с натуралистической школой французских просветителей, с жалким эмпиризмом немецкой исторической школы, а также с реакционными идеями немецкой идеали-

стической философии в лице Шеллинга, Фихте и Гегеля. Белинскому пришлось выдержать длительную борьбу с идеями славянофильства и буржуазного западничества. Он резко выступил против преклонения перед «буржуазным прогрессом» Запада.

Центральным вопросом в социологических взглядах Белинского явилась проблема исторического развития России. В этой связи им ставятся проблемы общественно-исторической закономерности, движущих сил исторического процесса, роли народных масс и личности в истории и прочее. Вопрос о путях исторического развития России и судьбах русского народа Белинский решает в процессе борьбы на два фронта: против славянофилов в лице братьев Аксаковых, братьев Киреевских, Хомякова и других, развивавших взгляд, согласно которому Россия идет самобытным путем, противоположным Западу, и идеализировавших патриархально-крепостнические устои русской жизни, и против космополитов в лице Каверина, В. Майкова и других, преклонявшихся перед западно-европейской капиталистической культурой и не веривших в силы и возможности народных масс в России.

Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», как и в других своих работах, решительно выступил против космополитизма Боткина и В. Майкова, которые являлись восторженными сторонниками западно-европейской культуры и буржуазных порядков на Западе. Это преклонение перед буржуазной культурой Запада имело и вторую сторону — прямую недооценку национальной русской культуры.

Белинский, критикуя космополитизм, указывал, что прогресс совершается в национальных рамках. Когда народ, — говорил он, — поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их самостоятельно с помощью собственной национальности, в собственную ее сущность, — тогда он гибнет политически. Белинский очень глубоко понимал содержание патриотизма. Отрицая пустой космополитизм, который являлся антинародным, он связывает любовь к отечеству с интернационализмом, со стремлением осуществить идеал человечества, социализм в своем отечестве. «Любить свою родину значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере

сил своих споспешествовать этому. В противном случае, патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое».*

Белинский был последовательным противником славянофильства. Он указывал, что славянофилы пытаются сохранить отрицательные стороны отсталой русской жизни. Между тем тогдашняя Россия, по словам Белинского, представляла собой «...ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми... где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные карпорации разных служебных воров и грабителей!».**

Социологические взгляды Белинского в последний период его умственного развития складывались в процессе критического отношения к мирному утопическому социализму. Взгляды Белинского на социализм резко отличались от мирных воззрений западно-европейских утопистов-социалистов. Для Белинского не было никаких сомнений в том, что переход от современного общества к социализму может быть совершен только при помощи революции, насильственного движения народных масс. Революционный демократизм был слит у Белинского с его воззрениями на социализм, и в этом коренное отличие и большое преимущество его перед западно-европейскими утопическими социалистами.

Вопрос о судьбах исторического развития России был теснейшим образом связан у Белинского с вопросом борьбы против крепостного строя и абсолютизма в России. Идея освобождения крестьянства от гнета помещиков красной нитью проходит через все литературное творчество Белинского от юношеской драмы «Дмитрий Калинин» до «Взгляда на русскую литературу 1847 года» и знаменитого письма к Гоголю. Свою ненависть к крепостническому строю и самодержавию Белинский пронес через всю свою жизнь.

Белинский, великий искатель истины, глубоко понимал,

* В. Г. Белинский. Собр. соч., изд. Венгеров, т. VI, стр. 10.

** В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 231.

что без уничтожения крепостного права и абсолютизма нечего было и думать о развитии России и процветании русского народа. В «Письме к Гоголю» он поставил со всей силой, страстно вопрос об уничтожении крепостного права. Обращаясь к русской общественности, он писал: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телестного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть».*

Борьба против крепостнического строя и абсолютизма в России у Белинского предопределила собой его отношение к реакционным социально-политическим взглядам Гегеля. Он с самого начала усматривал в консервативных взглядах Гегеля отступления от теории развития. Выступая против самодержавия и крепостничества, Белинский обрушивается на Гегеля за его примирение с реакционной прусской действительностью и монархией, которая для Гегеля являлась вершиной общественного развития. «Гегель, — писал Белинский, — мечтал о конституционной монархии, как идеале государства — какое узенькое понятие! Нет, не должно быть монархии...». ** Именно враждебное отношение Белинского к русскому самодержавию и крепостному строю определило собой его резкую критику реакционных социально-политических взглядов Шеллинга и Гегеля.

Это обстоятельство объясняет нам целеустремленное развитие Белинским идеи диалектического развития в истории человеческого общества, хотя он и испытывает еще влияние узкой и ограниченной идеалистической диалектики Гегеля. Для Белинского было ясно, что развитие общества не может остановиться и что его развитию нет предела. Им неоднократно подчеркивалась мысль о безграничных возможностях развития человеческой истории. Вот почему он не мог примириться не только с политическими выводами реакционной философии Гегеля, но и с его ограниченным теоретическим принципом, заключавшимся в признании предела общественного развития. Белинский писал, что он не может прими-

* В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 231.

** В. Г. Белинский. Избран. философск. соч., 1941 г., стр. 169.

ряться с абсолютностью результатов философии Гегеля и что лучше умереть, чем помириться с ними.

Белинский делал прямые революционные выводы из диалектического метода. Он призывал своих сторонников к активному вмешательству в объективный исторический ход событий. Что же делать, говорил Белинский, при виде ужасной действительности? Не любоваться же на нее, сложив руки, а действовать и действовать. Кто не идет вперед, тот идет назад: неизменного положения нет. Белинский указывал на обреченность самодержавного строя и призывал к борьбе против него.

Некрасов с чувством глубокой благодарности вспоминает о Белинском:

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел и новые стези
Прокладывал, работая упорно.
Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе.

V

Белинский был одним из выдающихся представителей исторической школы в России, сыгравшим великую роль в распространении критического историзма в научной мысли. По его мнению, историзм — основа науки, в том числе и естествознания, которое, по его словам, без исторического знания может стать мертвым сбором фактов, а не живым знанием. Тем более историзм необходим в объяснении развития человеческого общества. «История есть наука нашего времени, — писал Белинский, — и потому наука новая. Несмотря на то, что она уже успела сделаться господствующею наукою времени, альфою и омегою века... это историческое направление есть великое доказательство великого шага вперед, который сделало человечество в последнее время».*

Будучи последовательным сторонником принципа исто-

* В. Г. Белинский. Избран. философск. соч., 1941 г., стр. 291.

ризма в объяснении общественных явлений, Белинский обрушивается на буржуазных историков, которые, во-первых, подходят к историческому процессу метафизически, и во-вторых, рассматривают историю эмпирически, вне внутренней закономерной связи событий. Он критикует Конта за игнорирование исторической закономерности в объяснении общества и, во-вторых, за эмпирический подход к событиям истории. В письме к Боткину 17 февраля 1847 года Белинский писал: «Конт не видит исторического прогресса, живой связи, проходящей живым нервом по живому организму истории человечества. Из этого я вижу, что область истории закрыта для его ограниченности...» * Белинский видел также, что Гегель последовательно не проводил принципа историзма, не распространял его на современную жизнь.

Белинский видит в истории науку, вскрывающую историческую закономерность развития человеческого общества. Он противник идеографического метода объяснения исторических событий. Он требует теоретического осмысливания хода общественного развития. Вместе с тем Белинский предупреждает против попытки одностороннего увлечения общими принципами при объяснении исторических событий. Историк, — писал Белинский, — «принадлежит не менее трудная задача — с честью пройти между двумя крайностями, не увлекшись ни одной из них: между опасностью затеряться и запутаться в многосложности событий и за их частностью потерять из виду их диалектическую связь между собою, их отношение к целому и общему (идее) и между опасностью произвольно потянуть события на какую-нибудь любимую идею, заставляя их лжесвидетельствовать в пользу односторонней или вовсе ложной». **

Важнейшей проблемой исторической науки для Белинского является вопрос об общественно-исторической закономерности. По его мнению философия истории заключается в установлении внутренней исторической необходимости. История человечества представляет собой закономерный, органический процесс, в котором происходит смена его духовного и материального состояния. Между прошлым, на-

* В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 174.

** В. Г. Белинский. Избр. философск. соч., стр. 283.

стоящим и будущим в истории существует внутреннее единство и связь. Сущность истории, как указывал Белинский, составляет историческая необходимость, которая связывает прошедшее с настоящим, заключающим свое будущее. Мы вопрошаем и запрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло о нашем будущем.

Будучи идеалистом, Белинский усматривает внутреннее единство истории в развитии «исторической идеи». Он ищет в духовной основе общественной жизни объяснения исторической закономерности и причин развития истории. Внутренняя связь между многообразными явлениями общественной жизни, по его мнению, вытекает из духовной основы состояния и развития общества, которую он обозначает словом «идея». «Задача всякой истории — писал Белинский, — состоит в том, чтобы подвести многообразие частных явлений под общее значение, открыть в многообразии частных явлений органическую связь, взаимодействие и отношения, и проследить в последовательности многообразных явлений развитие живой идеи, составляющих их душу».* Белинский иронизировал над историками, занимающимися частностями, над тем, какого цвета были доспехи Святослава, и на какой щеке была родинка у Игоря.

Белинский стремился найти реальные внутренние связи и взаимодействия явлений исторической жизни, раскрыть действительные закономерности развития общества. Ему был чужд мистический подход к объяснению истории человечества, который присущ реакционной концепции Гегеля. Как известно, последний исходит в объяснении исторического процесса из мирового разума, являющегося источником движения истории. История у Гегеля имеет мистический характер.

Белинский является противником клерикализма. Он отвергает мистический, божественный характер исторических событий. Под «идеями» в истории Белинский понимает не мистическое начало, а совокупность духовных сторон общества, которые предопределяют внутреннюю связь и взаимодействие исторических событий и лежат в основании закономерности развития общества.

* В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., изд. Венгерова, т. VI, стр. 530.

Белинский в процессе своего духовного развития все более укреплялся в необходимости критики фаталистического понимания исторического процесса. Он решительно отталкивал от себя фаталистически-мистическое гегельянское понимание общественной закономерности. Отвергая метафизический взгляд на исторический процесс, как на скопление случайных событий и их произвольное течение, Белинский вместе с тем выступает противником фаталистического истолкования закономерности в обществе. Он писал: «В общем ходе истории, в итоге исторических событий нет случайности и произвола, но все носит на себе отпечаток необходимости и разумности.

Такой взгляд на историю далек от всякого фатализма: он допускает и произвол и случайность, без которых жизнь была бы механической, несвободной, но в произволе и случайности он видит зло временное и переходящее, видит силу, которая вечно борется с разумною необходимостью и вечно побеждается ею».*

Конечно, в период так называемого «примирения Белинского с действительностью», когда значительно сказалось влияние идей Гегеля, элемент фатализма получил свое отражение в статьях, относящихся к этому времени. Однако тем с большей решительностью Белинский обращается с критикой против мистическо-фаталистического понимания действительности и ее законов развития, когда он вновь провозглашает необходимость решительной борьбы с гнусной российской действительностью. В связи с глубоким пониманием Белинским проблемы закономерности в обществе мы находим у него содержательное и плодотворное решение вопроса о случайности и необходимости в истории.

В своей статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский ставит вопрос о соотношении случайности и необходимости в историческом процессе. Он разрешает его диалектически, усматривая в случайности форму дополнения и проявления необходимости. Случайность есть, по его словам, мелкая и несущественная причина в истории, которая могла быть и не быть в ходе развертывания исторической необходимости. Между тем необходимость представляет со-

* В. Г. Белинский. Избр. соч., стр. 283.

бой существенное и неизбежное основание исторического процесса. «Разумеется, — писал Белинский, — и в сфере истории все мелкое, ничтожное, случайное могло бы быть и не так как было, но ее великие события, имеющие влияние на будущность народов, не могут быть иначе, как именно так, как они бывают, разумеется в отношении к главному, их смыслу, а не в подробностях проявлений. Петр Великий мог построить Петербург, пожалуй там, где теперь Шлиссельбург или по крайней мере хоть немного выше, то есть дальше от моря чем теперь; мог сделать новой столицей Ревель или Ригу; во всем этом играла большую роль случайность, разные обстоятельства; но сущность дела была не в том, а в необходимости новой столицы на берегу моря, которая дала бы нам средство легко и удобно сноситься с Европой. В этой мысли уже не было ничего случайного, ничего такого, что могло равно и быть и не быть, или быть иначе, нежели как было».*

Такой подход к решению проблемы случайности и необходимости у Белинского показывает, что в этот период времени Белинскому чуждо мистическо-фаталистическое понимание исторического процесса. Понятие «идеи» означает для Белинского историческую необходимость, имеющую свое основание в духовной, умственной жизни общества; разумность «идеи» он понимает как историческую неизбежность событий в обществе.

Конкретизируя свое понимание закономерности исторического процесса, Белинский в более поздний период своего духовного развития определяет историю общества как историю развития народа, а историю народа как историю его духовного развития. В 1845 году он писал: «История народа есть история развития мысли, выраженной, и непосредственной и сознательной стороной жизни народа...»** Таким образом, понятие идеи в этот период времени Белинским отождествляется с духовным развитием народа.

Белинский выступает противником метафизического истолкования процесса истории. Он критически относится к французским просветителям XVIII века, которые исходили

* В. Г. Белинский. Собр. соч., изд. Иогансона, т. IV, стр. 276.

** В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., под редакцией Иогансона, т. IV, стр. 59.

из учения об общественном договоре и не усматривали в развитии современного общества историческую необходимость. «В восемнадцатом веке, — писал Белинский, — величайшие умы склонны были видеть в дикарях образец неиспорченной человеческой природы; тогда эта мысль, вызванная крайностью гнившего в ложной искусственности европейского общества, была и нова, и блестяща; в девятнадцатом веке эта мысль и стара, и пошла».*

В. Г. Белинский является критиком исторического фатализма, указывая, что люди должны действовать в направлении «идеи истории», то есть законов развития общества. Они должны способствовать развитию исторического прогресса, опираясь на объективные силы истории. Этот принцип Белинский распространяет на литературное творчество. Он высоко ценил то художественное произведение, которое не только воспроизводит жизнь, но и вмешивается в процесс развития.

Исходным началом объяснения истории у Белинского в 40-х годах является не личность, а общество. Человек определяется обществом и его временем. Личность принадлежит целиком и полностью обществу. Общественную жизнь Белинский понимает как жизнь политическую и гражданскую. Раскрывая ее содержание, Белинский указывает на народ как на субъект исторической жизни. В развитии умственной жизни народа, в распространении просвещения среди него он усматривает движущую силу общественно-исторического процесса.

Огромное преимущество Белинского перед буржуазными историками и социологами заключается в признании им роли народа в историческом процессе. Он приходил к глубокому и верному выводу, что как бы ни был велик человек, народ всегда выше его, и соединенные усилия многих людей всегда превзойдут в своих результатах его усилия.

В теснейшей связи с таким решением вопроса о роли народа в истории Белинский в своих произведениях проводит правильную мысль о том, что великий человек зависит в своих действиях от исторической эпохи и деятельности

* В. Г. Белинский. Собр. соч., т. II, стр. 557. Стихотворения Баратынского.

народа. Подлинно великий человек исходит из исторических потребностей и стремлений народа. Белинский писал, что то, что в народе живет как возможность, в гении осуществляется как действительность. «Народ относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые производит она. Тут единство, а не разделение, а не двойственность».*

Белинский развивает реалистический взгляд на взаимоотношения народа и великой личности. Корни деятельности личности заключены в почве народа. «Если бы русский народ, — писал Белинский, — не заключал в духе своем зерна богатой жизни, реформа Петра I только убила бы его на смерть и обессилила, а не сживила и не укрепила бы новою жизнью и новыми силами».** Не разум великой личности, а разум народа является основой исторической жизни. Для Белинского народ является «непогрешимым критиком» общественной жизни.

Прогрессивный деятель, по словам Белинского, всегда в своей деятельности исходит из мощи народного духа, отражая его стремления. Именно те исторические периоды, которые характеризуются деянием народных масс, дают силу и мощь разуму великих людей. Народ — есть учитель прогрессивных деятелей.

В теснейшей связи с таким пониманием роли народа в исторической жизни Белинский рассматривает роль писателя. По его словам, прогрессивный писатель идет вровень с жизнью общества, с его потребностями и стремлениями. Народ — есть почва, которая питает корни поэзии. «Содержание, — писал Белинский, — дает поэту жизнь его народа, следовательно достоинства, глубина, объем и значение этого содержания зависят прямо и непосредственно не от самого поэта и не от его таланта, а от исторического явления жизни его народа»***

Свои взгляды на вопрос о роли народных масс в истории Белинский вырабатывал в борьбе с реакционными взглядами немецких философов — Гегеля и Шеллинга — и их русских последователей. В противоположность реакционной линии

* В. Г. Белинский. Собр. соч. под редакцией Иогансона, т. IV, стр. 296.

** В. Г. Белинский. Избр. философск. соч., стр. 133.

*** В. Г. Белинский. Собр. соч., изд. Иогансона, т. IV, стр. 17.

немецких философов, пренебрежительно относившихся к народным массам и резко выступавших против их борьбы, Белинский выдвинул свою революционно-демократическую систему взглядов. Он доказывал передовым слоям русского образованного общества, что движущими силами являются не отдельные личности, как учат реакционеры-философы из Германии и их русские последователи, а сами народные массы. Революционный демократ Белинский призывал поднимать народ против самодержавия и крепостничества на борьбу за новую жизнь и указывал, что лишь на этом фоне народного подъема выдающаяся личность может сыграть положительную роль в истории.

Свой принцип рассмотрения истории общества как истории деятельности народа Белинский переносит на объяснение истории литературы и эстетики. Исходя из решающей роли народа в истории, Белинский выдвигает в истории литературы и эстетики реалистический принцип: искусство и литература должны быть выразителями дум и интересов народа. Белинский требует, чтобы искусство и литература были идейны, то есть отражали общественные интересы народа. В произведениях Гоголя он усматривает начавшуюся новую историческую эпоху в литературе, так как в них «поэтизируется жизнь народа». Белинский высоко оценивал литературное творчество Кольцова, Крылова и других писателей, которое отражало жизнь народа. В своем знаменитом «Письме к Гоголю» он писал, что общество и народ видят в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия.

Вполне понятно, что Белинский, исходя из своей общей социологической концепции, выступил решительным противником теории «чистого искусства». Наш век, писал Белинский, особенно враждебен такому направлению искусства. Он решительно отвергает искусство для искусства, красоту для красоты. Белинский считал Гоголя, Пушкина, Лермонтова величайшими представителями литературы потому, что они оставались верными в своих художественных произведениях своему народу. Литературная критика в руках Белинского стала действенным политическим оружием.

Белинский выступил страстным противником реакционных учений немецких идеалистов Шеллинга и Гегеля по вопросу

о природе и содержании искусства. Он писал: «отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит лишать его самой живой силы, то есть мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев».*

Глубоко реалистическое понимание Белинским роли народа в истории возвышало его над всем сонмом буржуазных историков, социологов, философов, предстателей утопического социализма на Западе. Оно давало ему возможность понять многие стороны общественной истории человечества и в сочетании с принципом диалектического развития привело его к пониманию преходящего характера современной эпохи общественной жизни, капитализма.

Белинский шел закономерно от своего революционного демократизма и прогрессивных социологических идей к признанию социализма, как высшей ступени общественного развития. Общество, по словам Белинского, находится в вечном обновлении человеческих поколений и гражданских обществ. Оно не знает предела для своего развития. Развитие составляет душу исторического процесса. «Что не развивается, — писал Белинский, — то не живет, а что не продолжает жить, то умирает — таков мировой закон всех гражданских обществ».**

Белинский исторически подходил к развитию и такой ступени общества, как капитализм. По его мнению, всякая историческая эпоха, исчерпав все возможности своего развития, уступает место новой исторической эпохе. Этот диалектический взгляд им применялся и к развитию современного, буржуазного общества, которое для него являлось исторически преходящей ступенью в мировой истории.

Развивая диалектический взгляд на жизнь, Белинский предвидел, что человечество пройдет многокрасочный и содрогательный путь исторического прогресса. Развитие от низшего к высшему он рассматривал как непреложный закон не только природы, но и общественной жизни. «Ничего, — писал Белинский, — не является вдруг, ничто не рож-

* В. Г. Белинский. Собр. соч., изд. Иогансона, т. IV, стр. 426.

** В. Г. Белинский. Полное собр. соч., изд. Венгерова, т. VI, стр. 444.

дается готовым; но все... развивается по моментам, движется диалектически, из низшей ступени переходя на высшую. Этот непреложный закон мы видим и в природе, и в человеке, и в человечестве». *

Диалектика давала возможность Белинскому понять исторически-ограниченный характер буржуазного общества. Он указывал, что в современном обществе возникли новые социальные идеи, это идеи социализма. «... Можно предчувствовать, — замечает Белинский, — и даже предвидеть основание будущей эпохи, ибо самое отрицание указывает на требование, и разрушение старого всегда совершается через появление новых идей. Если до сих пор человечество достигло многого, это значит, что оно еще большего должно достигнуть в скорейшее время. Оно уже начало понимать, что оно — человечество: скоро захочет оно в самом деле сделаться человечеством. . .» **

Социализм становится для Белинского альфой и омегой веры и знания. Говоря об идее социализма, он писал: «Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса». ***

Белинский был диалектиком, революционным демократом и социалистом-утопистом, смотревшим в будущее, а потому он рассматривал современное буржуазное общество не как историческую случайность, а как продукт неизбежного исторического развития. Он понимал, что капитализм есть прогресс по отношению к предшествующей ступени общественно-исторического развития. Но этот прогресс он оценивал исторически; он имел для него относительную ценность, как предпосылка будущего развития человечества. «Я понимаю, — писал Белинский Боткину, — что буржуазия — явление не случайное, а вызванное историей. что она явилась не вчера, словно гриб выросла, и что, наконец, она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги... пока буржуазия есть и пока она сильна, я знаю, что она должна быть и не может не быть. Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же источник и великих благ для чело-

* В. Г. Белинский. Соч., т. III, стр. 61.

** В. Г. Белинский. Избр. философск. соч., стр. 278.

*** В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 232.

вечества. Собственно, она только последнее зло во владычестве капитала, в его тирании над трудом». *

Он не соглашался с Герценом, который не исторически подходил к современному буржуазному обществу. Герцен утверждал, что буржуазия не имеет прошедшего и никакого будущего. Белинский соглашался с тем, что буржуазии не принадлежит будущее, но считал, что она в 1847 году еще не изжила себя. Что касается развития России, то он приходил к выводу, что развитие капитализма в России по сравнению с крепостничеством представляет собой прогрессивный момент исторического развития. Он высказывал мысль, что буржуазное развитие принесет России временный исторический прогресс.

Нельзя более ясно и определенно выразить свою мысль относительно современного буржуазного общества, чем это сделал Белинский. Он был противником признания его за постоянную и вечную ступень общественного развития. Он высказывался против взглядов Боткина и Анненкова о том, что только с приходом к власти крупной буржуазии возможен новый социальный мир. Белинский справедливо указывал, что нужно различать буржуазию борющуюся от буржуазии торжествующей. Он прекрасно понимал, что господство буржуазии несет для трудящихся масс обнищание и политический и экономический гнет. Вот почему Белинский решительно высказывался против перехода власти к буржуазии. Он писал: «...горе государству, которое в руках капиталистов». **

Его отрицательное отношение к капитализму и буржуазии нашло свое выражение в критике ее политической и социальной позиции. Белинский выступает блестящим критиком буржуазного либерализма.

Исторический подход к капиталистическому обществу, как преходящей ступени развития человеческого общества, дал возможность Белинскому довольно глубоко для своего времени проникнуть в суть противоречий капиталистического общества. Он доходит до понимания классовой борьбы в капиталистическом обществе на Западе. В своей рецензии на

* В. Г. Белинский, т. III, стр. 327, 323, 331.

** В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 329.

роман Эжен Сю «Парижские тайны» он проникает в суть социальных отношений между пролетариатом и буржуазией. Ему принадлежит убийственная характеристика буржуазного формального равенства. Он вскрывает ложь и обман буржуазного лозунга о равенстве. «Французский пролетариат, — писал Белинский, — перед законом равен с богатым собственником (propriétaire) и капиталистом, тот и другой судится одинаковым законом и по вине наказывается одинаковым наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб; ибо тот дает работу и произвольно назначает для нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства, а богатый собственник с этой платы берет 99% на 100 — хорошее равенство!». *

Белинский бичует современное буржуазное общество и его порядки. Он говорит, что капиталисты это «люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят». ** Анализируя итоги революции 1830 года во Франции, Белинский показывает, что буржуазия пришла к власти при помощи трудящихся масс, пролетариата, который от этого, однако, ни экономически, ни политически не выигрывает ничего.

Однако Белинский, подобно утопистам-социалистам на Западе, не видит класса, которому принадлежит историческая миссия в деле революционного преобразования современного общества. Он рассматривает пролетариат как часть «среднего сословия», как наиболее страдающий класс населения. Вот почему дело освобождения человечества от пут капитализма, по его мнению, является делом интеллигенции — образованной части «среднего сословия», являющейся активным и созидательным элементом истории.

Отсталость экономических условий общественной жизни в России, отсутствие пролетариата и неразвитость поэтому классовой борьбы в стране не дали возможности понять Бе-

* В. Г. Белинский. Собр. соч., изд. Иогансона, т. III, стр. 237.

** В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 329.

линскому историческую роль пролетариата в развитии современного общества. Не последнюю роль при этом сыграло то обстоятельство, что поражение пролетариата в революционных битвах на Западе в 30-х годах принесло известное разочарование Белинскому. Поэтому он возлагал все надежды на передовых людей образованного общества, которые, связав себя с судьбой угнетенных народных масс, должны будут распространять в них просвещение и будить чувства борьбы против гнета и эксплуатации в современном обществе.

Рассчитывая на просвещение народных масс, Белинский, однако, не разделял иллюзий относительно мирного характера перехода к социализму. Будучи революционным демократом, он понимал, что борьба между новым и старым составляет необходимую основу развития общества. Для него весь окружающий мир представлял собой не что иное, как мир вечной борьбы будущего с прошедшим. Он высоко оценивал роль революции в развитии общества, неоднократно высказывая предположения, что социализм невозможно осуществить без насильственного переворота. Уже будучи на смертном одре, Белинский приветствовал начавшиеся революционные события в 1848 году на Западе.

Не случайно царское правительство в лице пресловутого жандармского III отделения собственной его величества канцелярии пристально следило за литературно-политической деятельностью Белинского. В доносах Булгарина и других реакционеров имеются обвинения Белинского и его последователей в распространении идей коммунизма. «Журнал «Отечественные записки», — писал Булгарин в своем подлome доносе, — издаваемый явно, без всякого укрывательства, в духе коммунизма, социализма и пантеизма, произвел в России такое действие, какого никогда не бывало».*

Только смерть избавила Белинского от каземата Шлиссельбургской крепости, куда правительство хотело упрятать его в 1848 году.

Социализм Белинского носил, несомненно, утопический характер, несмотря на то, что он был противником «общинного социализма».

* М. Лемке. „Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.“, 1909 г., стр. 303.

В статье «Ответ «Москвитянину», Белинский, выступая против славянофилов и их идеализации русской общины, писал: «И такие общины были совсем не у одних славянских племен, как уверяют славянофилы, а были и у всех племен и народов в патриархальном состоянии, даже у дикарей...» *

Для Белинского община являлась, таким образом, остатком родовых отношений и не могла стать началом новой социальной жизни. В этой связи находится его заявление Анненкову 15 февраля 1848 года, в котором он говорил: «А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию». **

Несмотря на этот исторический подход к явлениям общественной жизни, Белинский был утопическим социалистом. Утопический характер его социализма заключается в том, что он не видел в пролетариате, единственно-последовательном революционном классе, движущей силы исторического процесса и носителя социалистического способа производства. Он переоценивал роль и значение просвещения и не понимал содержания действительной классовой борьбы пролетариата против буржуазии за свое политическое и экономическое господство, хотя понимал существование противоречий между классами. «В нашем обществе, — говорил Белинский о России, — у каждого сословия все свое, особенное — и платье, и манеры, и образ жизни, и обычаи, и даже язык... велико разъединение, царствующее между этими представителями разных классов одного и того же общества!». ***

Белинский не был историческим материалистом. Он не видел действительной основы общественной жизни и движущих сил истории. Но его взгляды содержали много реалистического.

Белинский глубоко верил в то, что Россия сумеет разрешить социальный вопрос и вступить на путь социализма. Он неоднократно подчеркивал великую роль русского народа в будущем развитии общества. В своей статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» он проникновенно писал:

* В. Г. Белинский. Собр. соч., изд. Иогансона, т. IV, стр. 386—387.

** В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 339.

*** В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 131.

«Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство, и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не один суровый экзамен судьбы, не раз были на краю гибели, и всегда успевали спастись от нее и потом являться в новой и большой силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль, — об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими».*

Великий патриотизм Белинского, внутренне связанный с его революционным демократизмом, с его горячей любовью к русскому народу, имел свою теоретическую основу в его глубоких социологических взглядах на исторический процесс, высшей ступенью которого для него являлся социализм. «Чем больше живу и думаю, — писал Белинский, — тем больше, кровнее люблю Русь».

Огромная притягательная сила произведений Белинского заключалась в том, что в них убедительно раскрывалась перспектива будущего развития страны. Белинский писал, что в России готовится великое будущее и что русское племя носит в себе плодотворное семя, которое должно развиваться в величественное, широколиственное дерево. Он глубоко верил и провидел, что Россия откроет путь к мировой цивилизации, к социализму.

Белинскому был присущ исторический оптимизм. Этот оптимизм покоился, во-первых, на его уверенности в силы народа и был обращен к будущему и, во-вторых, исходил из диалектического представления о развитии и вечной смене форм общественной жизни.

В своей замечательной статье «От какого наследства мы отказываемся» Ленин дал глубокий анализ вопроса о преемственной связи марксизма с наследством революционных демократов. Он подчеркнул, что русские марксисты и про-

* В. Г. Белинский, Собр. соч., изд. Иогансона, т. IV, стр. 284.

светители стоят на почве исторического оптимизма. Просветители отстаивали европейский путь развития России, выступив против остатков крепостничества в стране. Марксисты усматривают в этой точке зрения положительное. Они разделяют и заботу просветителей об интересах трудящихся масс. Не народники, а марксисты истинные хранители наследства русского революционного демократизма. Ленин добавлял, что однако марксисты хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу, а они высвобождают наследство от его исторических недостатков и ограниченности и присоединяют к нему анализ классовых противоречий при капитализме с точки зрения интересов пролетариата.

Анализ общественно-политических воззрений Белинского показывает нам со всей убедительностью, что они являлись высшим достижением общественной науки того времени. Анализирующий ум Белинского проник для своего времени довольно глубоко в процесс общественного развития. И кто знает, как бы развивались взгляды Белинского на общество, если бы он прожил дольше и увидел бы революционные события в Европе в 1848 году, а также начавшиеся крупные классовые битвы пролетариев против буржуазии! В лице Белинского Россия имела не только блестящего литературного критика, великого материалиста, но и крупнейшего социолога своего времени. Белинский не только блестящий литературный критик, но великий революционер-ученый домарксистской эпохи.

Ленин очень высоко оценивал Белинского, как революционного демократа, социалиста и ученого. Он видел в нем одного из предшественников русской социал-демократии.

Характеризуя роль революционеров-демократов, как предшественников русской социал-демократии, Ленин писал: «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский. Пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература».*

* В. И. Ленин. Соч., т. IV, стр. 380—381.

Линия философского развития, идущая от Герцена и Белинского, была линией, идущей вверх. Она нашла свое завершение в Чернышевском и Добролюбове, самых близких предшественниках социал-демократии в России.

Товарищ Сталин в своем докладе о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в ряду имен, которыми гордится великая русская нация, назвал имя Белинского. В лице Белинского советский народ чтит великого революционного деятеля и мыслителя, великого патриота нашей Родины.

Редактор – кандидат философских наук *Л. Ю. Звонков*

Подписано к печати 31/V-1948. Объем 3,5 л. Тираж 40 000 экз.
М—13028 Зак. № 46

Типография им. Володарского

1 p. 20 к.